

Грех и покаяние

1.

Жила-была старуха, у ней были один сын и одна дочь. Жили они в превеликой бедности. Вот раз как-то пошёл сын в чистое поле посмотреть на озимые всходы; вышел и осмотрелся кругом: стоит недалеча высокая гора, а на той горе, на самом верху клубится густой дым. «Что за диво такое! думает он; уж давно стоит эта гора, никогда не видал на ней и малого дыма, а теперича, вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору». Вот полез на гору, а она была крутая-крутая! — насилу взобрался на самой верх. Смотрит — а там стоит большой котел полон золота. «Это Господь клад послал на нашу бедность!» подумал парень, подошел к котлу, нагнулся и только хотел горсть набрать — как послышался голос: «не смей брать этих денег, а то худо будет!» Оглянулся он назад — никого не видно, и думает: верно мне почудилось! Опять нагнулся и только хотел набрать горсть из котла — как послышались те же самые слова. «Что такое? говорит он сам себе, никого нет, а голос слышу!» Думал-думал и решился в третий раз подойти к котлу. Опять нагнулся за золотом и опять раздался голос: «тебе сказано — не смей трогать! а коли хочешь получить это золото, так ступай домой и сделай наперед грех с родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: всё золото — твое будет!»

Воротился парень домой и крепко призадумался. Мать и спрашивает: «что с тобой? ишь ты какой невеселой!» Пристала к нему, и так и сяк подговаривается: сын не выдержал и признался про всё, что с ним было. Старуха как услышала, что он нашел большой клад, с того самого часу и зачала в мыслях держать, как бы ухитриться смутить сына да на грех навести. И в первой таки праздник позвала к себе куму, перемолвила с нею и с дочерью, и придумали они вместе напоить малого пьяным. Принесли вина и ну его подчивать, вот он выпил рюмку, выпил и другую, и третью, и напился до того, что совсем позабылся и сотворил грех со всеми тремя: с матерью, сестрою и кумою. Пьяному море по колена; а как проспался да вспомнил, какой грех-то сотворил, — так просто на свет не смотрел бы! «Ну, что же, сынок, говорит ему старуха, о чём тебе печалиться? ступай-ка на гору да таскай деньги в избу». Собрался парень, взошел на гору, смотрит:

золото стоит в котле нетронуту, так и блестит! «Куды мне девать это золото? я бы теперь последнюю рубаху отдал, только б греха избыть». И послышался голос: «ну, что еще думаешь? теперича не бойся, бери смело, всё золото — твое!» Тяжело вздохнул парень, горько заплакал, не взял ни одной копейки и пошел, куда глаза глядят.

Идет себе да идет дорогою, и кто ни встретится — всякого спрашивает: не знает ли, как замолить ему грехи тяжкие? Нет, никто не может ему сказать, как замолить грехи тяжкие. И с страшного горя пустился он в разбой; всякого, кто только попадетсся навстречу, он допрашивает: как замолить ему перед Богом свои грехи? и если не скажет — тотчас убивает досмерти. Много загубил он душ, загубил и мать, и сестру, и куму, и всего — девяносто девять душ; а никто ему не сказал, как замолить грехи тяжкие. И пошел он в темный дремучий лес, ходил-ходил, и увидал избушку — такая малая, тесная, вся из дерну складена; а в этой избушке спасался скитник. Вошел в избушку; скитник и спрашивает: «откуда ты, доброй человек, и чего ищешь?» Разбойник рассказал ему. Скитник подумал и говорит: «много за тобою грехов, не могу наложить на тебя эпитимью!» — Коли не наложишь на меня эпитимьи, так и тебе не миновать смерти; я загубил девяносто девять душ, а с тобой ровно будет сто. Убил скитника и пошел дальше. Шел-шел и добрался до такого места, где спасался другой скитник, и рассказал ему про всё. «Хорошо, говорит скитник, я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?» — Что знаешь, то и приказывай, хоть камень грызть зубами — и то стану делать! — Взял скитник горелую головешку, повел разбойника на высокую гору, вырыл там яму и закопал в ней головешку. «Видишь, спрашивает он, озеро?» А озеро-то было внизу горы, с полверсты эдак. «Вижу», говорит разбойник. «Ну, ползай же к этому озеру на коленках, носи оттудова ртом воду и поливай это самое место, где зарыта горелая головешка, и до тех таки пор поливай, покуда она пустит она отростков и ни вырастет от нее(я) яблоня. Вот когда вырастет от нее яблоня, зацветет да принесет сто яблоков, а ты трянешь ее, и все яблоки упадут с дерева наземь: тогда знай, что Господь простил тебе все твои грехи». Сказал скитник и пошел в свою келью спасаться по прежнему. А разбойник стал на колена, пополз к озеру и набрал в рот воды, взлез на гору, полил головешку и опять пополз за водою. Долго, долго эдак он потрудился; прошло целых тридцать лет — и пробил он коленками дорогу, по которой ползал, в пояс глубины, и дала головешка отросток. Прошло еще семь лет — и выросла яблоня, расцвела и принесла сто яблоков. Тогда пришел к разбойнику скитник и увидел его худого да тощего: одни кости! «Ну, брат, трясина теперь яблоню». Тряхнул он дерево, и сразу осыпались все

до единого яблоки; в ту ж минуту и сам он помер. Скитник вырыл яму и предал его земле честно.

2.

Была вдова, у неё было двое детей: сын и дочь. Жили они в большой бедности. Вот мать и надумалась отдать своего сына в пастухи. В одно время пас он скотину в лесу. И привез туда колдун воз денег, вырыл яму, вывалил в нее деньги, забросал землею, и стал заклинать: «достаньтесь, мои деньги, тому, кто сотворит грех с родной матерью, с родной сестрою и с кумою!» Заклял и уехал. Пастух всё это слышал; пригнал скотину на село и рассказал про этот клад своей матери. Крепко польстилась она на деньги; вот наутро нарядилась она так, что и признать ее нельзя, и пошла туда, где сын её пас скотину; пришла и давай с ним играть. Играла-играла и навела его на грех... На другой день нарядила она свою дочь, послала в поле и наказала, что делать. И эта играла-играла с пастухом, и навела его на грех... Воротился сын домой. Вдова и говорит ему: «ступай, доставай клад!» — Ах, матушка, ведь я тебе сказывал, какой это клад: мне он не дается! «Небось, дастся! ведь ты сотворил грех и со мною, и с сестрою, а она тебе и сестра и кума вместе; ты с ней у соседа крестил». — Ах, матушка, матушка! до чего ты меня довела? не хочу теперь с вами жить, лучше пойду — куда глаза глядят! И только вышел сын за ворота и сделал шагов десять, как вдруг поднялся ветер, изба вспыхнула и в одну минуту сгорела вместе с его матерью и сестрою. Он еще пуще приуныл и подумал про себя: «стало быть, я великой грешник перед людьми и Богом!»

Шел он, шел, и попал в большой дремучий лес; увидел тропинку, пустился по этой тропинке и пришел к келье; начал стучаться, пустынник его и спрашивает: «кто там?» — Грешник, святой отче. «Подожди, молитву окончу». Окончил молитву, вышел из кельи и спрашивает: «куда Бог несет? и что надобно?» Рассказал ему странник. «Это грех великой! не ведаю, можно ли отмолить его; ступай-ка ты по этой дорожке, и дойдешь до другой кельи — там живет пустынник старей меня вдвое; может, он тебе и скажет»... Пошел странник дальше и дальше, приходит к келье и опять стучится. Пустынник стоял тогда на молитве. «Кто там?» спрашивает он. — Грешник, святой отче! «Подожди, молитву окончу». Окончил молитву, вышел и спрашивает: что за грешник такой? Странник рассказал про всё. «Коли хочешь отмаливать свои грехи, сказал ему пустынник, так пойдем со

мною». Дал ему топор и повел к толстой березе: «свали-ка эту березу и разруби ее на три части». Тот свалил березу с корня и разрубил на три части. Пустынник зажег эти три бревна; вот они горели-горели, и остались только три малые головешки. «Закопай ты эти головешки в землю, и день и ночь поливай их водою!» сказал пустынник и ушел. Грешник зарыл три головешки в землю и начал поливать их и день, и ночь; год поливал, и другой, и третий... долго-долго трудился: две головешки уж пустили отростки, а третья нет как нет! Пришел к нему пустынник, видит: выросло две березки, и говорит: «Бог простил тебе два греха — с матерью и сестрою, а третьего — с кумою — ты еще не замолил у Господа. Вот тебе стадо черных овец, паси его да молись Богу до тех пор, пока ни станут все овцы белыми». Погнал грешник овец, пасет год, и другой, и третий, много молится, много трудов несет — только овцы всё остаются черными.

Вот стал мимо его по заре ездить какой-то человек: едет себе и всякой раз распевает веселые песни. «Дай спрошу, думает грешник, что это за человек ездит?» Вышел на дорогу, подождал немножко и видит: подъезжает тот самый человек и поет песню. Он сейчас схватил его лошадь за узду, остановил и спрашивает: «кто ты таков и зачем поешь эдакие песни?» — Я разбойник, езжу по дорогам и убиваю людей; чем больше убью за ночь, тем веселее песню пою! Не утерпел пастух, размахнулся своей дубинкою и убил разбойника наповал. «Ах, что же я наделал? говорит он, одного еще греха не отмолил, а уж другой грех нажил!» Воротился к овцам, а они все белые; пригнал овец к пустыннику и рассказал всё, что с ним было. Пустынник и говорит: «это за тебя мир умолил Бога!»

(Обе из собрания В. И. Даля).